

"Аида"
Д. Верди

Пока первый большой театр столицы робко мечтал о приглашении хотя бы одной из работающих ныне за рубежом "своих" "звезд", а второй большой театр столицы и об этом не мечтал, маленький "анфан террибль" "Геликон" взял да и пригласил в свой спектакль чернокожую Аиду из Вены и такого же Амонасро из Берлина.

ГОСТИ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Д а где ж нашли такие деньги? — рвется из души главный ныне в Отечестве вопрос. Оказалось, гостям оплатили дорогу и отель, выступать они согласились без гонорара. Причем их, певших на колоссальных подмостках Арены ди Верона и Брегенцского фестиваля, не смущали крохотные размеры геликоновской сцены.

Второй вопрос — как это случилось? А при содействии "Менеджерского бюро Гусева", представленного составной частью Госконцерта, и при известной смелости лидера "Геликон-оперы" Дмитрия Бергмана, который не мог не задаваться вопросами: а впишутся ли гастролеры в его спектакль, отнюдь не являющийся костюмированным концертом, и не перепоют ли они геликоновцев, выступив как прожектором, в открытом соревновании все их недостатки? В некотором роде это последнее и случилось. Но не тогда, когда пел Иоганнес фон Дуйсбург, "Эфиопский царь" с жестяным голосом наподобие иерихонской трубы, к тому же фальшивя-

щий (в "Геликоне" есть Амонасро и получше). А когда пела Полетта де Вон.

Ее достоинства бесконечны, начиная с внешних — красива, моложава, стройна. В скобках: четверть века замужем, трое детей. Недостаток один — неважная вокальная форма (что может быть следствием временного нездоровья, но скорее всего есть перманентная драма под названием "потеря голоса"). Почти отсутствуют низы, малокровная середина, лишь в верхнем регистре ее голос расцветает, и тогда можно представить, за что любили его в парижской "Гранд-опера", Берлинской и Венской Штаатс опер, в Королевских операх Стокгольма и Копенгагена... За красоту, которой сегодня немного осталось. И за удивительную вокальную и сценическую культуру, которая и сегодня при ней. — вот что сделала Полетту де Вон настоящей королевой геликоновской "Аиды".

Все форсировали звук, как могли, — она одна работала в естественном для себя режиме, без труда перекрывая оркестр, хор и партнеров, вместо взятых. Но как раз настолько, чтобы голос чуть-чуть выветвился на общем фоне.

Все грешили локальной неадекватностью — а у нее ни одного

кикса или смазанной линии (разве что под конец пару раз не дотянула верхние ноты).

Все играли — кто в Радамесса, кто в Амнерис, и по здешней привычке взахлеб. Она же ухитрилась жить на этом вулкане страстей несуетно, чутко откликаясь на всякий музыкально-драматургический поворот. Как выглядела бы ее Аида на большой сцене, узнать не дано. Но в "Геликоне", где зритель и актер так близко, работали и ее полуулыбка, и испуг в глазах, и тревожный поворот головы.

Словом, геликоновские артисты проиграли Полетте, притом что она не имела ни малейшего жалания кого-либо "обходить". А геликоновский спектакль? На первый взгляд только выиграл, приобретая настоящую — магнетическую — героиню, какой нет не только в Большом, но какая редкость вообще в любой "Аиде", американской ли, австрийской, французской. С другой стороны, получился театр в театре, камерный психологический — в откровенно-зрелищном, и этот второй уступил в обаянии и глубине первому...

Но есть еще театр "Геликон" как творческий организм и есть публика. Вот кто уж точно выиграл. Одному визит де Вон — блестящий мистор-класс, другой — веселое сердце. Так что зовите, Дмитрий Александрович, новых гастролеров. Впрочем, он уже позвал.

23 июля 1997, 12 июня